

Печать и младороссы

Въ связи съ кампаніею за осуществленіе общаго фронта въ борьбѣ съ большевизмомъ, поднятой младороссами, въ зарубежной печати удѣляется за послѣднее время много вниманія Союзу Младороссовъ и младоросскому движенію.

«Лъвая» печать отнеслась съ подозрѣніемъ къ общедоступному почину младороссовъ. «Послѣднія Новостя», хотя и говорятъ, «что прямого и открытоя младороссовъ надо привѣтствовать», добавляють: «если она искренна». Демократы видять въ младороссахъ гасителей свободы, какихъ-то крѣпостниковъ. Монархизмъ въ глазахъ республиканцевъ уже самъ по себѣ является символомъ «закима», ликвидаціи свободы. «Дни» удивляются, что «зарубежные младороссы считаютъ совместимымъ гвоздь и панихиду — царя и свободу». При этомъ «Дни» отмѣчаютъ, что «младоросскій ежемѣсячникъ сочувственно цитируетъ «Дневникъ писателя» Достоевскаго и воспроизводитъ слова Достоевскаго о томъ, что именно монархія въ Россіи осуществитъ «самую полную, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо» гражданскую свободу. Но, ни Достоевскій, ни Пушкинъ, ни Гоголь неспособны убѣдить нашихъ демократовъ въ томъ, что Русскій царь лучшей защитникъ свободы Русскаго человека и Русскаго гражданина, «Послѣднія Новостя» подъ заглавіемъ «Идеология и тактика младороссовъ» печатають пространнй отчетъ о собраніи РДО, посвященномъ младоросскому движенію. Докладчикъ А. А. Александровъ говорилъ о враждебности младороссовъ къ «отдѣльной личности». Того же мнѣнія держится и А. С. Изгоевъ, который въ статьѣ «Правые революціонеры» въ рижскомъ «Сегодня» пишетъ, что младороссы отрицають «за человѣческой личностью политической права и право на свободу».

«Дни» сближаютъ младороссовъ съ германскими національ-соціалистами. Въ этомъ отношеніи они сходятся въ оцѣнкѣ младороссовъ съ «Сегодня» и съ «Возрожденіемъ». «Возрожденіе», помѣщая впервые статью А. Л. Каземъ-Бека по вопросу объ общемъ фронтѣ, указываетъ въ передовой статьѣ, что монархическій легитимизмъ и социальный радикализмъ младороссовъ не раздѣляются газетой. Эти расхожденія не мѣшаютъ «Возрожденію» привѣтствовать объединительный починъ младороссовъ, которымъ «несомнѣнно удалось намѣтить новые пути» въ вопросъ объ общемъ фронтѣ. Выступленіе самихъ младороссовъ на страницахъ «Возрожденія» знаменуетъ одно изъ практическихъ проявленій общаго фронта. Особенно привѣтственно кампанія младороссовъ за общій фронтъ была встрѣчена газетой «Россія и Славянство». П. Б. Струве пишетъ: «Горячо привѣтвую выступленіе младороссовъ, нѣкоторыя существенныя идеи у которыхъ я не раздѣляю. «Россія и Славянство» напечатало очень подробный и точный отчетъ о первомъ собраніи мла-

дороссовъ по вопросу объ общемъ фронтѣ. Г. П. Струве помѣстилъ въ той же газетѣ интересную статью «О младороссахъ и «непредрѣшѣнствѣ», въ которой онъ выражаетъ увѣренность, что «предрѣшѣнцамъ» младороссамъ легче объединяться съ «непредрѣшѣнцами», чѣмъ съ «предрѣшѣнцами» всѣхъ толковъ».

Какъ отмѣчаетъ въ «Возрожденіи» П. М., младороссы, «выступившіе на тему объ эмигрантскомъ объединеніи встрѣтили въ Русской печати странно-согласный сочувственный отзывъ».

Газеты отмѣтили ростъ младоросскаго движенія. «Сегодня» горно о «растущемъ движеніи младороссовъ»: «Оно несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. За два съ половиною года оно значительно измѣнилось и выросло. Въ «Послѣднихъ Новостяхъ» Обсерверъ въ своемъ «Блокнотѣ» говоритъ, что изъ всѣхъ новыхъ идейныхъ теченій эмигрантской политической мысли, если еще и не укрѣпившихся, то и не мертворожденныхъ, интереснѣе другихъ движеніе младороссовъ. Передовица тѣхъ же «Послѣднихъ Новостей» указываетъ, что «за послѣднее время младороссы до нѣкоторой степени вошли «въ моду» въ извѣстной части эмиграціи».

Характерно, что вся печать сошлась на сочувствіи идеи національной революціи, выдвинутой младороссами. «Какъ и младороссы, мы видимъ исходъ изъ большевизмаго періода Русской исторіи только въ національной революціи», говоритъ въ передовицѣ «Возрожденіе». Въ «Послѣднихъ Новостяхъ» г. Кускова также соглашается съ младороссами: «Основной ихъ пунктъ вѣренъ: національная революція должна придти изъ самой Россіи». Въ «Россіи и Славянствѣ» П. Б. Струве пишетъ: «Основныя начала, провозглашенныя парижскими младороссами: необходимость революціонной борьбы съ соувѣтскою властью для ея сверженія и съ этой цѣлью поддержка отсюда національной революціи, которая должна произойти въ Россіи» — эти основныя начала совершенно совпадаютъ съ тѣми основными мыслями, которыя высказывались на столбахъ нашей газеты и, въ частности, въ моихъ «Дневникахъ», и съ той линіей, которой я придерживаюсь, какъ политической дѣятель».

На оцѣнкѣ почина младороссовъ въ нѣкоторой мѣрѣ уже осуществился «общій фронтъ», который является положительнымъ симптомомъ. Приходится отмѣтить упорство «лѣвыхъ» группъ, которое никого не можетъ удивить, но которое едва ли будетъ имъ выгодно. Тотъ, кто бонитъ «эконометризовать» себя общимъ фронтомъ рискуетъ остаться за бортомъ національной жизни. Национальное единство создается, и въ дни національной революціи люди, не желающіе передъ лицомъ великой Русской трагедіи поступиться своей партійностью окажутся лишними людьми.

Къ смерти Маяковскаго

Съ того времени, какъ пятнадцатка снова свергла Россію въ состояніе разоренія и почти открытой гражданской войны, — въ области Русской литературы вновь началось запустѣніе. Сугубое проведеніе партійнаго начала, свирѣпость цензуры, отсутствіе малѣйшей свободы или открытости загноили живое слово въ подполье. Въ книгѣ, въ журналѣ произошла рѣзкая перемѣна къ худшему и непреодоли-

мой скукой вѣстѣ отъ безвѣстныхъ произведеній слишкомъ благонадежныхъ писателей. Въ этой безотраднѣй пустотѣ особенно глухо прозвучать выстрѣлъ, убившій Маяковскаго.

Въ разгаръ борьбы палъ пѣвецъ «новаго міра», глшатель его, призванный слабымъ ободриться и идти не озираясь впередъ. Прославленный гениемъ, окруженный официальнымъ почетомъ онъ еще

такъ недавно писалъ стихи громоносные и безпощадные. И вдругъ

«Какъ говорится:
— инцидентъ исчерпанъ...
Любовная лодка разбилась о бытъ...»

«Державинская тональность», о которой, когда-то говорили еврайшцы, не выдержала столкновения съ жизнью. Между сверхчеловѣческими призывами и человѣческимъ концомъ открылся чувовищный провалъ.

Отсюда огромное впечатлѣнiе, произведенное смертью Маяковского. Какъ Есенинъ, онъ былъ символомъ. Но не символомъ хмѣльной, буйной Руси, въ глубинѣ послушной колокольнымъ звонамъ, а символомъ продуманнаго возстанiя противъ всего святаго, во имя титаническаго, новаго, неосуществимаго и нечеловѣческаго.

**

Маяковский не былъ, какъ Есенинъ, слабымъ чловѣкомъ съ нѣжной душой и необузданными порывами. Въ судьбѣ обоихъ нѣтъ общихъ точекъ: есть только параллельность. Есенинъ былъ весь отъ деревни. Маяковский воплотилъ трагедiю города. И города не европейскаго или старорусскаго, со своими вѣковыми устоями и зажиточной степенностью, а новаго Русскаго города, случайнаго, безроднаго, пропитаннаго непонятной культурой, чуждаго родной почвѣ, давящаго на поселянна, замкнутого въ его каменная стѣны.

Маяковский — дитя города — былъ отравленъ городомъ. Подавляющая внѣшность бездушнаго города навсегда наложила печать на его стиль. Образы его стали образами грѣмѣющей улицы. Его воображенiе стало бредомъ техника, бредомъ пригорода, бредомъ сверхчеловѣчности, сверхсовременности, планетарной искусственности.

Великанъ физически, несущий въ себѣ какой-то чисто Русскiй размахъ, онъ вносилъ преувѣличенiе въ каждый образъ и въ каждую мысль. И то, что ощущали многие — старинную, подсознательную ненависть къ городу — онъ выразилъ открытымъ мятежемъ. Убѣжденный въ своей гениальности, считавшiй себѣ доступной всякую цѣль, онъ ринулся въ бой противъ городской культуры съ арсеналомъ потрясающихъ выкриковъ и дотолъ непроницаемыхъ словъ.

Футуризмъ былъ воспринятъ имъ, какъ орудiе разрушенiя. Онъ внесъ въ футуризмъ ту мощь и ту убѣжденность, которая тщетно было бы искать у Хлѣбникова или Бурлюка. Футуризмъ Маяковского не былъ продуктомъ загниванiя слишкомъ утонченной культуры. Это было проявленiе ненависти, — возстанiе раба. Онъ смотрѣлъ въ упоръ на городъ, которому не жалѣлъ опредѣленiй, на городъ пропыленный, прогнившiй, ободраннiй, изъѣденнiй, сифилитическiй. Свою ненависть къ нему онъ распропагандировалъ на землю и на небо. Онъ не звалъ изъ духоты на просторъ, потому что не зналъ существующихъ просторовъ, Онъ только разрушалъ. Въ своей ненависти онъ не зналъ отбѣговъ или различiй. Его кощунство не имѣло предѣловъ. И, естественно, отъ собственнаго буйства и разгрома у него въ душѣ открывалась пуста.

Во имя чего онъ неистовствовалъ — оставалось неяснымъ. Тутъ были только стасхавия слова. Но манiя величiя не позволяла смириться и тутъ сказывался неожиданный въ этомъ бунтѣ надрывъ.

И чловѣкъ, воевавшiй съ Богомъ и называвшiй себя кандидатомъ въ цари вселенной, оказывался испростенникомъ.

**

Октябрь пришелъ тогда, когда силы Маяковского стали какъ будто изсякать, когда тупики казались

уже изученными и невозможнымъ призывать ко всеобщему разрушенiю во имя туманности стала ясна

«Въ какой ночи бредовой, недужной,
Какимъ Голиафомъ я зачать
Такой большой
И такой недужный?»

И, какъ разъ въ эту минуту, когда Маяковский можетъ быть близокъ къ цѣдленiю, — событiя слились съ его бредомъ и какъ бы подтвердили бредъ. Пришли люди, принесшiе якобы научное оправданiе разрушенiю и возвели въ добродѣтель его ненависть. Пришли люди съ мечтой о мировомъ, международномъ, неестественномъ, со словами о новомъ механически организованномъ чловѣкѣ, съ попыткой перестроить вселенную на новый ладъ. Ихъ бредъ былъ близокъ его бреду — съ небоскребами на зло небу и машиннаи на зло землѣ.

Въ коммунистической проповѣди Маяковский увидѣлъ тѣ идеи, которыхъ ему не доставало такъ мучительно. Въ невиданномъ цинизмѣ и грубости времени онъ узналъ близкiй къ своему собственному стиль. А въ гримасахъ всего святаго, во позѣхъ лица большевика почуялъ соратника. Такъ, изъ возбужтовавшаго интеллигента — Маяковский сталъ борцомъ за теоретическiй пролетариатъ.

Надо думать, что онъ былъ вполне искрененъ. Онъ весь отдался новой работѣ, словно ободорованный, что есть кому направить призывы, бредовѣ от-правляемые въ пространство, что есть отъ имени кого вѣщать. Онъ забылъ футуризмъ. Онъ забросилъ искусство. Его стихи, окончательно сокращенные и небрежные, стали утилитарны. Онъ не только призвалъ къ борьбѣ, но и вышнвался въ мелочи, училъ, наставлялъ, подбодрялъ. Манiя величiя, во многомъ удовлетворенная, не оставила его. Но въ ней будилось что-то менѣе отвѣченное и онъ уже не столько сорвался съ ангелами, сколько стремился стать вровень съ вождями революцiи.

Такимъ бардомъ совѣтской власти мы и знали его послѣднiе годы. Но этотъ образъ былъ обманчивъ. Онъ только хотѣлъ быть такимъ. И снова онъ былъ символомъ: символомъ увлеченiя теорiей, принятой, какъ исходъ изъ тупика. Жизнь, не входящая въ тѣсныя рамки доктрины подкарауливала Маяковского.

Сначала онъ почувствовалъ безпокойство. «Мѣщанство побѣждаетъ». Чувство, что мира не переначишь. Предвѣдiя гибели. Новые лирическiе выпады — самозащита: «Я свое, земное не дожилъ, на землѣ еще недолюбилъ... Но разочарованiе ширилось. Несбыточность дозвонувъ становилась все янѣе: новая вѣтра открывала лишь новые тупики.

Къ тяжелому уроку — уроку исторiи, присоединилась личнiй эпизодъ. Подробности послѣднихъ дней намъ еще закрыты, но врядъ ли въ нихъ есть неясность или непредвѣдливостъ. Какъ Донъ-Кихота, Маяковского оставила манiя величiя. Онъ вдругъ почувствовалъ себя просто чловѣкомъ, напрасно кривляющимся и орущимъ. Тогда «вопросъ оказался исчерпаннымъ». вмѣсто громовъ и бреда осталась одна усталость, одно желанiе: чтобы не сплетничали.

**

«Чувовищно, непонятно», восклицали коммунисты надъ его раскрытой могилкой. И, дѣйствительно, имъ ничего не оставалось другою говорить. Потому что сказать правду — значило бы разоблачить символъ Маяковского и свою собственную ложь. И, естественно, во время его торжественныхъ похоронъ, никто не сознался, что хоронили символъ режима.